

УДК 882.09

М.С. ЧЕРНОВА

В.Д. СПАСОВИЧ ОБ А.С. ПУШКИНЕ: ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ПУШКИНИСТИКИ

В историко-литературный обиход вводятся научные труды и речи адвоката и филолога В.Д. Спасовича, посвященные А.С. Пушкину. Определяется его метод исследования мировоззрения и творчества поэта. Доказывается, что суждения Спасовича об А.С. Пушкине соответствовали тенденциям, наметившимся в филологической науке последней четверти XIX в.

Введение

Уроженец Беларуси, выдающийся адвокат В.Д. Спасович (1829 – 1906) более полувека отдал правоведению и судебной практике. Но не меньшее значение имела и другая сторона его деятельности – публицистическая и филологическая. Спасович был постоянным сотрудником “Вестника Европы”, одно время даже возглавлял в этом журнале отдел критики и библиографии. Ему принадлежали многочисленные труды по истории русской, польской и западноевропейской литературы. Тем не менее, “литературная деятельность Спасовича в целом не вызвала до сих пор, насколько нам известно, крупного критического исследования или хотя бы даже цельного изложения” [1, с. 8]. Эти строки были написаны его учеником и одним из первых биографов М.М. Виновером в 1907 г. Однако и сегодня историко-литературное и критическое наследие Спасовича остается неизученным.

В данной работе в историко-литературный обиход вводятся научные труды и речи Спасовича, посвященные А.С. Пушкину. Их анализ позволяет расширить представление о направлениях, существовавших в русской пушкинистике во второй половине XIX в., и восстановить незаслуженно забытую страницу, которую вписал в нее адвокат и филолог Спасович.

Основная часть

В числе первых его работ, посвященных поэту, была Речь, произнесенная 31 января 1887 г. на поминальном обряде по поводу пятидесятилетия со дня кончины Пушкина. Впоследствии эта Речь вошла в собрание сочинений Спасовича (1889 – 1902). К этому времени в науке о Пушкине обозначились новые тенденции: авторы многочисленных статей и историко-литературных исследований обратились к теме личной и творческой судьбы поэта. Во многом это было связано с открывшимися перспективами свободного изучения пушкинского архива: вскоре после праздника, посвященного открытию памятника Пушкину в Москве в июне 1880 г., сын поэта генерал А.А. Пушкин передал его в Румянцевский музей, сделав доступным для исследователей. Журналы “Русская старина”, “Исторический вестник”, “Русский архив” стали регулярно публиковать документальные материалы, раскрывающие неизвестные ранее факты биографии Пушкина, а также сведения о его окружении.

Спасович приветствовал возможности современной литературной науки и выражал надежду, что исследователи смогут “воспроизвести настоящего Пушкина” в противовес “сказочным представлениям”, сложившимся о нем в прошлом [2, с. 344]. Очевидно, он имел в виду суждения В.Г. Белинского, который объяснял творческую индивидуальность автора “Евгения Онегина” принадлежностью “душой и телом” “основному принципу своего класса” (дворян-помещиков. – М.Ч.) [3, с. 286]. А все упреки Пушкину в том, что в его произведениях не было социальной критики действительности, Спасович справедливо называл нарушением “исторического взгляда на вещи”. Автор речи-статьи считал недопустимой ошибкой попытки критиков разных направлений использовать мировоззрение и творчество Пушкина в качестве аргумента в пользу собственных идеологических и эстетических взглядов. “Мне нет никакого дела до того полумифического Пушкина, каким он был изображен в одной из известных речей, произнесенных 8 июня 1880 г.; до “всечеловека”, не то Христа, не то святого духа Параклита”, – иронизировал Спасович [4, т. 26, с. 151].

Это замечание было адресовано Ф.М. Достоевскому, который в произведениях Пушкина услышал призыв, обращенный к русской интеллигенции, “сми-

рить свою гордость”, принять из рук народа идеал Христа и объединить противоположные партии в совместной “работе на родной ниве”. Действительно, Достоевский оценивал национальное и мировое значение Пушкина исходя из своих почвеннических убеждений. Главными свойствами таланта поэта он считал “всемирность и всечеловечность”, а также “способность перевоплощения в гении других наций”. “Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание”, – подчеркивал автор знаменитой Пушкинской речи [4, т. 26, с. 141, 148].

“Такая способность перевоплощения была бы, на мой взгляд, лишь высшей степенью подражательности”, – откомментировал Спасович мысль писателя о “всечеловечности” таланта Пушкина [2, с. 345]. Конечно, это замечание снижало пафос выступления Достоевского. Но приходится согласиться со Спасовичем, что подобные эмоциональные суждения о поэте, “высказанные хотя и с горячим чувством”, ничего не прибавляли к его реальному портрету. “Пушкин был выше и лучше любых оценок: он был собой”, – справедливо заключал Спасович и поэтому призывал “чувствовать Пушкина только правдой” [2, с. 344].

Профессиональный юрист, Спасович и литературно-критические суждения основывал на фактах, подтвержденных документально. Свой метод исследования он определил как “сопоставление его (Пушкина. – М.Ч.) произведений, нам известных, и чувств, нами ощущаемых при чтении этих произведений, с личностью поэта, с известными нам биографическими данными, раскрытием стоящего за произведениями живого лица со всеми его доблестями и слабостями, с его темпераментом и характером” [2, с. 344]. В качестве источников своих исследований, помимо пушкинских произведений, Спасович использовал “Материалы для биографии А.С. Пушкина” П.В. Анненкова, письма поэта и воспоминания современников, а также описание его рукописей, составленных В.Е. Якушкиным. Все это позволило Спасовичу выделить свой аспект в проблематике современной ему пушкинистики: личность поэта и ее проявление в художественных произведениях.

Спасович называл Пушкина “дивным и гениальным поэтом”, “чародеем”, “создателем поэтического языка”, “воплощением литературного ренессанса” в России. Наиболее существенную сторону пушкинского дарования критик видел в способности поэта “мыслить и страдать выразительно”: “Он был единственно и исключительно только поэт и не более, как поэт!” [2, с. 345]. На первый взгляд, Спасович повторил мысль Белинского, превратившуюся в расхожую формулу: “Пушкин – поэт-художник, и в этом отношении он был только верен своей натуре” [3, т. 6, с. 282]. Но в оценке Спасовича отсутствовал негативный оттенок: для него Пушкин был явлением самоценным. В одной из своих судебных речей он говорил, что для него “нет более хороших минут, как те, которые проводятся в обществе талантливого художника и первостепенного мыслителя” [5, т. 5, с. 103].

В Речи о Пушкине 1887 г. Спасович высказал мнение, что поэта, творившего в 1820 – 30-е гг., “покоробило бы от нашей приземистой положительности, от нашей сухой и несколько черствой деловитости” и “его бы могла оттолкнуть наша демократическая грубость” [2, с. 344]. Этот тезис дает основание полагать, что Спасович ориентировался на главный принцип материалистической эстетики: искусство есть отражение жизни. Кроме того, он принимал важнейшее положение культурно-исторической школы, которое сформулировал ее глава А.Н. Пыпин: “По литературе мы имеем возможность судить возрождение общественного сознания” [6, с. VII].

Тема “Спасович и культурно-историческая филологическая школа” требует подробного изучения. В данном случае позволено рассмотреть суждения Пыпина и Спасовича о Пушкине.

Задачу литературной науки Пыпин усматривал в сопоставлении художественного явления с жизнью, что, с его точки зрения, давало возможность понять “целый характер общества”. Он утверждал, что к середине 1830-х гг. интерес к произведениям Пушкина значительно упал. Ученый объяснил этот факт тем, что “общество не встретило у него (Пушкина. – М.Ч.) ответа на его (общества. – М.Ч.) ближайшие вопросы” [6, с. 614]. Как и Пыпин, Спасович рассматривал любое литературное явление в связи с конкретной исторической эпохой. Однако в данном случае необходимо сделать существенное уточнение. Спасович назвал Пушкина “могучим художественным выразителем господствующего чувства своего времени” [2, с. 345]. Следовательно, под действительностью он понимал не только социальные и политические обстоятельства, но и характерные для данной эпохи представления о мире и человеке. Поэтому во всех своих литературно-критических работах Спасович пытался вскрыть связь между объективно обусловленным мировоззрением, превалирующим в обществе, и собственными политическими и философско-эстетическими взглядами деятелей искусства.

Непосредственно вопросу “Пушкин и его время” Спасович посвятил лекцию-статью “Байронизм Пушкина” (1888), в которой была затронута самая обсуждаемая в русской критике и литературной науке проблема: эволюция политического мировоззрения поэта¹. Как подчеркивал Пыпин, открытие памятника Пушкину в Москве, а затем пятидесятилетняя годовщина со дня его смерти “были поводами к особенному оживлению” данной проблемы, без решения которой невозможно было определить ни историческое, ни национальное, ни литературное значение его творчества [6, с. 4]. Нельзя не отметить, что в числе наиболее значимых исследований в пушкинистике последней четверти XIX в. Пыпин назвал и статью Спасовича “Байронизм Пушкина” [6, с. 4].

В этой статье Спасович анализировал мировоззрение и творчество поэта 1820-х гг., периода, который принято называть “байроническим”. Следует подчеркнуть, что автор лекции-статьи понимал “байронизм” и как общественное явление, и как “умственное настроение”, обусловленное конкретно-историческими обстоятельствами. С этой точки зрения он видел в Дж.Г. Байроне выразителя “настроения” людей его (Байрона. – М.Ч.) поколения, разочаровавшихся во Французской революции XVIII в., которая жестокостью дискредитировала свои гуманистические стремления. В то же время Спасович называл английского поэта “знаменосцем либерализма”, до конца жизни сохранившим верность идеалам Просвещения. А его пессимизм, мизантропию и эгоизм автор статьи считал реакцией на невозможность воплощения этих идеалов в жизнь: “Верный сын XVIII в., Байрон не пожертвовал ни одним из идеалов этого века <...> но так как они еще до него были втоптаны в грязь и опошлены, то Байрон вымещает свое негодование за это осквернение идеалов на всем роде человеческом” [7, с. 7].

Пушкин принадлежал другому миру и другой эпохе. Поэтому ни исторических, ни социальных причин для появления у него “байронических настроений” в

¹ В.Я. Стоюнин “Пушкин” (1881); П.В. Анненков “Общественные идеалы Пушкина” (1881); А.И. Незеленов “А.С. Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799 – 1826)” (1882); В.В. Никольский “Идеалы Пушкина” (1882); В.Е. Якушкин “Радишев и Пушкин” (1886).

их радикальной форме Спасович не находил. “Тоска и разочарование Пушкина произошли не от неудач и провалов в русской и европейской общественности”, – утверждал он [7, с. 12]. В творчестве Пушкина “бурных годов молодости” Спасович усматривал лишь отражение “неустойчивых политических убеждений” поэта [7, с. 11]. Сопоставив произведения Пушкина 1820-х гг., критик обратил внимание на отсутствие в них “объединяющей идеи”, позволяющей судить об общественных взглядах их автора. В стихотворении “Деревня” Спасович отметил, с одной стороны, либеральные призывы к отмене крепостного права, утверждение внесловной ценности человека, а с другой – упование на государя и монаршую волю (“...рабство падшее по манию царя”). В послании “К Чаадаеву” (“Любви, надежды, тихой славы...”) и оде “Вольность” А.С. Пушкин выражал конституционно-монархические взгляды, а стихотворение “Кинжал” наполнил свободолюбивым пафосом. Но уже в 1823 г., как утверждал автор статьи, Пушкин усомнился в целесообразности борьбы за “общее благо” и с прискорбием констатировал, что “мирные народы” “не разбудит чести клич” [8, т. 1, с. 215].

Для определения общественных взглядов Пушкина Спасович использовал заимствованное у А. Мицкевича понятие “байронствующий”, что означало “одержимый духом своего любимого автора” [7, с. 18]. Однако эта “одержимость” была свойственна поэту лишь в период его “юношеского героизма”.

Самому Спасовичу были понятны эти романтические устремления. В свое время, вдохновленный возвышенными призывами оды Мицкевича “Молодость”, гимназист Спасович клялся посвятить свою жизнь борьбе за независимость Польши, что, однако, не помешало ему впоследствии сделать блестящую адвокатскую карьеру в Петербурге. “У каждого из нас была такая пора в жизни, когда он смотрел титаном, готовым весь мир объять, пересоздать и превратить в земной рай. Потом пора эта проходит: титан возвращается к обыденным занятиям и становится добродушным филистером, самым усердным и аккуратным чиновником”, – признавался Спасович, выступая на судебном процессе по так называемому “нечаевскому делу” (1871) [2, с. 242]. Поэтому перемены в пушкинском мировоззрении он расценивал не как измену вольнолюбивым идеалам, а как закономерный процесс взросления: “Чем больше мужал и входил в лета Пушкин, тем более он степенился, становился положительным, консервативным человеком в политике, чуждающимся фрондерства” [5, т. 2, с. 268-269].

Спасович не раз подчеркивал, что не следует отождествлять поэта с создаваемым им образом лирического героя. Он понимал, что стихи зачастую являются отражением сиюминутных эмоций их автора, а потому советовал с осторожностью использовать художественные произведения для характеристики его мировоззрения. Однако критик не всегда следовал собственным советам. Показателем в этом смысле его комментариев к письму поэта, адресованному А.И. Тургеневу (1 декабря 1823 г.), в котором А.С. Пушкин назвал свою оду “На смерть Наполеона” (1821) “последним либеральным бредом” [8, т. 9, с. 80]. В.Д. Спасович расценил эти слова, а также стихотворение “Свободы сеятель пустынный...” как доказательство окончательного отрезвления поэта от революционно-романтических иллюзий молодости. В статье “Пушкин и Мицкевич у памятника Петру Великому” (1887) он писал: “Ему (Пушкину. – М.Ч.) вполне уяснился общий смысл русской истории, ее неизменная формула: всякое крупное политическое действие – только по почину правительства; оно есть движущее и образующее начало в русской истории” [5, т. 2, с. 269]. Вот почему автор этих строк был

убежден, что поэт, имевший множество друзей среди членов тайного общества декабристов, на Сенатскую площадь не вышел бы, а приписываемую ему фразу, якобы сказанную в разговоре с Николаем I: “Стал бы в ряды восставших”, считал легендой.

В самом деле, все значительные вехи в русской истории, “пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству” Пушкин связывал с наиболее выдающимися монархами. В неотправленном письме к П.Я. Чаадаеву (19 октября 1836 г.) он отдавал должное Ивану III, Ивану IV, Михаилу Романову, Петру Великому, “который один есть целая история”, Екатерине II, “которая поставила Россию на пороге Европы”, Александру I, приведшему русские войска в Париж [8, т. 10, с. 287].

Для монархических убеждений Пушкина Спасович находил более прочные основания, чем для его “байронических настроений”. Отдельные высказывания в “Записках”, “Родословной моего героя”, некоторых строфах “Евгения Онегина” позволяли критику считать, что с русским государем и монархическим государством Пушкина связывало и происхождение столбового дворянина, и древняя история рода, и, наконец, обучение в Царскосельском лицее. “Я в нем усматриваю весьма значительный элемент проницающей его насквозь русской государственности того времени, который хотя и не заметен на первый взгляд, но сильно повлиял на его жизнь и отчасти определил весь ход, все эволюции его поэтического творчества”, – отмечал Спасович в речи “По случаю столетней годовщины рождения А.С. Пушкина” (1899) [5, т. 9, с. 375]. Аттестуя поэта верноподанным государственнымником, он в то же время снимал обвинения в заискиваниях перед царем, которые предъявляла Пушкинскому демократическая печать того времени. Особенно не прощались поэту “Стансы” (1826), в которых Николай I сравнивался с Петром Великим: *Семейным сходством будь же горд; // Во всем будь пращурю подобен; // Как он, неутомим и тверд, // И памятью, как он, незлобен* [9, т. 2, с. 90]. Кроме того, в начале 1880-х гг. стали известны строки из цитированного выше письма к Чаадаеву, где Пушкин выразил уверенность в том, что в царствовании Николая I есть “что-то значительное”, “что-то такое, что поразит будущего историка” [8, т. 10, с. 287]. В.Д. Спасович был убежден, что в отношениях Пушкина с Николаем I первостепенную роль играли личные чувства, совершенно искренние, проистекающие из “нравственной стороны характера” поэта: “В числе его главных качеств была благодарность за всякое добро. Тонкая нить признательности Императору Николаю I за оказанное ему доверие была в действительности крепче стальных проволок” [5, т. 9, с. 378].

Заключение

В суждениях о Пушкине Спасович отказывался от идеологических установок, на которые ориентировалась критика предшествующего периода. Его работы, посвященные поэту, соответствовали новым тенденциям, складывавшимся в литературной науке последней четверти XIX в. Как адвокат, Спасович использовал не столько “оценивающий”, сколько “объясняющий” принцип изучения пушкинского наследия. Как филолог, он обуславливал мировоззрение и творчество Пушкина конкретно-историческими условиями, а также свойствами характера поэта и обстоятельствами его судьбы. Таким образом, Спасович стал одним из тех, кто намечал перспективы пушкинистики начала XX в., которая будет избавлять Пушкина от завышенных требований, предъявляемых потомками, и от их не всегда справедливого суда.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. **Виновер, М.М.** Речь о Спасовиче / М.М. Виновер. – СПб. : Тип. тов. “Общественная польза”, 1907. – 56 с.
2. **Спасович, В.Д.** Избранные труды и речи / В.Д. Спасович. – Тула : Автограф, 2000. – С. 343–346.
3. **Белинский, В.Г.** Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая / В.Г. Белинский // Собр. соч. : в 9 т. – М. : Художественная литература, 1976 – 1981. – Т. 6. – С. 249–298.
4. **Достоевский, Ф.М.** Пушкин. (Очерк) произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 30 т. – Л. : Наука, 1984. – Т. 26. – С. 136–149.
5. **Спасович, В.Д.** Собр.соч. : в 10 т. / В.Д. Спасович. – СПб. : Бр. Рымович, 1889 – 1902.
6. **Пынин, А.Н.** Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки / А.Н. Пынин. – СПб. : Колос, 1909. – С. 131.
7. **Спасович, В.Д.** Байронизм у Пушкина / В.Д. Спасович // Байронизм у Пушкина и Лермонтова с приложением краткой биографии лорда Байрона, составленной Богданом Степанцем. – Вильно : Северо-западное книгоиздательство, 1911. – С. 1–39.
8. **Пушкин, А.С.** Собр. соч. : в 10 т. / А.С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1974–1978.